

**ПРИРОДА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ПОЗИЦИИ
ДОГОВОРНОЙ КОНЦЕПЦИИ «СДЕЛКА О ПРИЗНАНИИ ОБВИНЕНИЯ И
СОТРУДНИЧЕСТВЕ»¹⁵**

В. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия),
e-mail: nikkipohta@mail.ru

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование досудебному соглашению о сотрудничестве сторон в уголовном процессе РФ, её доктрина и законодательная техника. Данный раздел посвящён природе досудебного соглашения о сотрудничестве с позиции договорной концепции «Сделка о признании обвинения и сотрудничестве»

Ключевые слова: юриспруденция, досудебное соглашение, правосудие, сотрудничество с подозреваемым.

Из анализа, проведенного в предыдущем параграфе, вытекает, что теория единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы недостаточна для того, чтобы вполне понять природу досудебного соглашения о сотрудничестве. Она должна быть дополнена совершенно иной теорией, способной выявить в данном институте остающиеся «непонятыми» (но от того не менее объективные) черты и объяснить их.

Мы уже указывали на то, что это – теория «договора» и не скрывали своего расположения к ней. В настоящем параграфе рассмотрим основные аргументы в пользу договорного подхода к объяснению сущности досудебного соглашения о сотрудничестве, а также те последствия, которые вытекают из этого факта: как для совершенствования самого института досудебного соглашения, так и для всего российского уголовно-процессуального права.

Начнем с главного, что само официальное название процедуры – «соглашение» указывает на *договорной* характер отношений, которые складываются между, с одной стороны – прокурором, представляющим государство, а с другой – обвиняемым и его защитой. Этот довод («нормотивистский») нашим противникам («нормотивистам») довольно трудно парировать, в отличие от ситуации, когда речь шла об особом порядке судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), к которому сразу «прилипло» определение «сокращенный». В случае же с «досудебным соглашением» сам законодатель был вынужден прибегнуть к использованию «договорной» терминологии при определении данного понятия: «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или

---

¹⁵ Материалы представлены магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД России А.С. Александров. Оппоненты: профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор П.Г. Марфицин; профессор уголовно-процессуального права Владимирского юридического института ФСИН, доктор юридических наук, профессор И.В. Головинская. Ведущая организация: Башкирский государственный университет.

предъявления обвинения» (пункт 61 статьи 5 УПК РФ). Термины «стороны», «условия», «соглашение», а главное общий смысл данного выражения совершенно недвусмысленно указывают на то, что две стороны приходят к соглашению на определенных условиях, и это порождает определенные правовые последствия. Такова классическая модель договора.

Заметим, что некоторые авторы после введения в наше уголовно-процессуальное право института досудебного соглашения стали выискивать в нем публично-правовые особенности, и в частности подчеркивают то, что условия соглашения вытекают из факта совершения преступления, что подозреваемый или обвиняемый берет на себя *обязательство* оказать содействие в раскрытии и расследовании преступления, уголовном преследовании других соучастников преступления и пр. в виду требования закона, якобы это обязательство является *производным* от его обязанности понести уголовную ответственность за совершенное преступление [65, С.5, 6]. Мы усматриваем здесь попытку выхолащивания договорной сути этого института и замещением его императивными элементами. Конечно, нельзя не признать того, что общей предпосылкой возникновения договорных отношений между государством и преступником является факт совершения преступления. Но мы, тем не менее, исходим из того, что условия порождаются соглашением, а не преступлением. Вступление прокурора в договорные отношения с обвиняемым является вынужденным и обусловлено тем, что у обвинения отсутствуют достаточные основания полагать, что механизм уголовной юстиции сработает, и виновный будет наказан. Фактор неопределенности подталкивает следователя, прокурора к тому, чтобы идти на определенные уступки обвиняемому (оговоренные законом), и условия соглашения есть результат компромисса, соглашения сторон¹⁶.

В общем, невозможно отрицать очевидное – законодательную дефиницию анализируемого института как *соглашения*. Это и есть *первый* аргумент в пользу договорной трактовки сущности досудебного соглашения о сотрудничестве.

А потому главное при исследовании анализируемого института переносится на объяснение того, каким образом в публично-правовой сфере, и даже более того – в «следственной среде», т.е. *концентрированной публично-правовой* обстановке, может существовать «инородное тело» – договорной институт досудебного соглашения сторон – для которого использовался диспозитивный метод приопределении прав и обязанностей участников основного – договорного правоотношения. Как появилось частно-правовое образование в публично-правовой следственной материи – эта проблема составляет действительно достойный предмет для научного исследования. Ведь затрагиваются сущностные основы нашего уголовно-процессуального права, колеблются устои научного мировоззрения на уголовно-процессуальные явления и даже страшно подумать – под вопрос поставлена национальная идентичность (в конкретном случае¹⁷, и ведь их не один набирается!).

---

¹⁶ Далее мы разовьем каждое из этих утверждений более подробно.

¹⁷ Ведь мы фактически копируем чуждый нам американский опыт. Заменяем познавательную парадигму, в основе которой лежит поиск объективной истины, на модель «конвенциональной», договорной истины. Суррогатное правосудие, сделка с совестью, которыми так долго пугали нас отечественные блюстители нравственности в уголовном судопроизводстве, стало реальностью. И ничего, кстати, страшного не случилось, землетрясения не произошло, если не считать того, что земля пошатнулась под теми, кто не признавал наличия согласительных элементов в наших уголовно-процессуальных процедурах.

Поэтому *второй* наш довод в пользу договорной сущности досудебного соглашения мы берем из уголовной политики, из идеологической плоскости; есть предположение, что имеются некие фундаментальные подвижки в стратегии борьбы с преступностью, которые определяют новое понимание природы целого ряда уголовно-процессуальных институтов, включая досудебное соглашение и особый порядок судебного разбирательства. Мы исходим из предположения о том, что существует системная взаимосвязь между изменениями в уголовно-процессуальном праве и уголовном праве, которые проникнуты новой единой идеологией; и институт досудебного с соглашения сторон в уголовном деле является продуктом этой идеологии и средством новой уголовной политики¹⁸.

Нельзя не признать того, что уголовная политика в последние годы качественно изменилась. Существует много слагаемых, которые в совокупности привели к тому, что от стратегии «борьбы с преступностью» государство перешло к новой стратегии «противодействия преступности». Отказ от уголовной политики на искоренение преступности был определен выбором в пользу строительства правового государства и прав человека, т.е. с самого начала российской государственности [20, С. 6]. Правовое государство добровольно накладывает на себя ограничения (юридические) в борьбе с преступностью; последняя признается «неискоренимой» и даже в какой-то мере неизбежной спутницей нормального общества. Соответственно, уголовная политика теперь трактуется как контроль преступности [8, С. 33; 21, С. 32; 32, С. С. 22; 37, С. С. 110-113; 45, С. 6, 7]. Изменения в криминологической стилистике (замена слова «борьба» словами «противодействие» или «контроль») свидетельствует о признании того факта, что на обозримую перспективу предполагается *немирное* сосуществование с преступностью; уголовная политика выступает активной наступательной силой противодействия преступности [22, С. 62, 64], но не уничтожения ее. Таким образом, государство и законопослушная часть общества фактически признают право преступности на существование, хотя на определенных условиях, главным из которых является то, чтобы не ставились под угрозу общественная безопасность, права и законные интересы обывателей, которые остаются в рамках правового поля. Оказывает ли подобная стратегия влияние на уголовно-процессуальные институты? Разумеется, не может не оказывать: любой из современных уголовно-процессуальных институтов мы должны понимать не в свете бескомпромиссной борьбы на уничтожение (тезис о неотвратимости уголовной ответственности, клише «вор должен сидеть в тюрьме», а в контексте гибкого, иногда даже пассивного (мягкого) противодействия¹⁹ преступности (с преступниками иногда

---

¹⁸ Об этом любят рассуждать теоретики права, с которыми мы в данном случае согласимся.

См., напр.: *Малько, А.В.* Теория правовой политики: монография. М., 2012; *он же.* Правоохранительная политика в современной России: пути формирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 167-169; *Баранов, В.М., Поленина, С.В.* Система права, система законодательства и правовая система. Н. Новгород, 2000. С. 21; *Сырых, В.М.* Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22-27; *Поленина, С.В.* Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1. С. 96.

¹⁹ Кстати, есть мнение, что противодействие – это взаимодействие со знаком минус. И диалектика отношений государства и преступности отнюдь не однозначна. Бывают, что временами и местами они очень даже взаимодействуют: когда это выгодно экономически и политически господствующему классу. За примерами ходить далеко не надо: целые отрасли российской экономики криминализированы (строительство, лесная промышленность, добыча биоресурсов).

договариваются, «бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме», даже если он нарушил уголовный закон).

Любая уголовная политика обусловлена реальными потребностями современного момента [26, С. 9]. *Уголовная политика есть концентрированное выражение экономики, в ней выражена воля правящей элиты.* Как отмечает в своем диссертационном исследовании Г.В. Абшилава, руководство страны воплотило в новой уголовной политике общественные настроения на гуманизацию уголовной юстиции, более высокий уровень защиты права собственности и прав личности, введение новых материально-правовых и процессуальных гарантий от неоправданного вмешательства правоохранительных органов в гражданско-правовые споры. Новая уголовно-правовая стратегия выражает качественные изменения в российском обществе и удовлетворяет потребности в модернизационном развитии [2, С. 3]. По словам Г.В. Абшилавы, современная уголовная политика отражает новый баланс сил в российском обществе и расстановку приоритетов властвующих элит. В ней проявляется объективная тенденция к легализации процесса нахождения компромиссов между сторонами в уголовно-правовом споре. Вопрос о применении мер уголовной юстиции стала предметом торга между государством и правонарушителем. В выборе правовых инструментов разрешения конфликтов, возникающих в экономической деятельности, участвует обе стороны. Экономия уголовной репрессии проявляется в том, что уголовная ответственность должна наступать за те правонарушения, защита от которых невозможна средствами иных отраслей права [2, С. 13]. Г.В. Абшилава усматривает связь между изменением уголовной политики и изменением в понимании целого ряда уголовно-процессуальных механизмов: механизма прекращения уголовного дела по ряду нереабилитирующих оснований (статьи 25, 28, 28.1, 427 УПК РФ, статьи 75, 76, 76.1, 90 УК РФ), которые он квалифицирует как согласительные, и, конечно – процедурами, урегулированными главами 40, 40.1 УПК РФ, которых он выводит из института договора/сделки. Аналогичные выводы ранее делали и другие авторы: условия, но также и «материальное основание» освобождения от уголовного наказания должны быть предметом торга, сделки между стороной обвинения и стороной защиты. Институт, предусмотренный главой 40 УПК, предусматривает такую возможность по любому уголовному делу [4, С. 53; 16, С. 32-42; 19, С. 66-69].

Очевидно, что современная уголовная политика является составной частью стратегии развития российского государства, общества, экономики, что отражена в программных выступлениях руководителей нашей страны [57, С. 4; 59; 60]. В целом можем проследить устойчивый тренд (на уровне законодательства) на экономию уголовной репрессии, предложение правоприменителю альтернативных вариантов разрешения уголовно-правового спора²⁰. Как указывается в ряде исследований, очень важное значение для понимания сущности института досудебного соглашения имеет идея *компромисса* [14, С. 65; 27; 39, С. 23; 64]. Указанный *компромисс* выражается во взаимных уступках состязующихся сторон: государство в лице прокурора полностью или частично

Так недавно стало известно, что поступление налогов и сборов в бюджет от экспорта лесной промышленности сократилось на 32%. За последние пять лет незаконные вырубки выросли на 66%, при этом никаких проблем со сбытом краденого нет, отметил президент России В. Путин URL: <http://news.rambler.ru/18537768/>

²⁰ Проблема в том, что правоприменитель, зараженный обвинительным уклоном, редко пользуется этими возможностями, предпочитая выполнять планы и требования руководства, доказывая свою восстребованность. В виду неопределенности судьбы каждого из правоохранительных органов такое рвение и желание подтвердить свою эффективность выглядят нелишними, но для общества это не всегда полезно.

отказывается от требования о привлечении к уголовной ответственности нарушителя уголовного закона, а лицо, совершившее преступление, совершает ответные общественно полезные действия, направленные на разрешение уголовно-правового конфликта, в том числе содействуя органам правопорядка в раскрытии преступлений, совершенных самим обвиняемым, но также и другими лицами (что иногда бывает гораздо важнее, чем преступление, совершенное партнером государства) [15, С. 5, 7; 29, С. 28, 35-36].

Идеологией компромисса в первую очередь пронизана современная уголовная политика противодействия преступности в экономической, предпринимательской сфере. В современных исследованиях отмечается, что за последние несколько лет уголовная политика в сфере обеспечения экономической безопасности претерпела существенные изменения в связи с реализацией программы модернизации экономики, государственно-правового устройства, необходимостью обеспечения более высокого уровня защиты прав личности, в том числе права собственности, сокращения применения мер пресечения, касающихся личной свободы обвиняемого, декриминализации ряда уголовно-правовых составов, гуманизации мер уголовных наказаний, прекращении дискриминации и искусственной маргинализации предпринимателей, введении новых уголовно-процессуальных гарантий, ограждающих предпринимателей от незаконного, необоснованного перевода хозяйственных споров в уголовно-правовую плоскость [2, С. 41-43, 46; 11; 16, С. 29; 51].

В научной литературе уже отмечалось, что реформа сложившегося правопорядка может быть достигнута лишь путем изменения целей и содержания уголовной политики [5; 9; 45; 50]. Новая идеология уголовной политики нашла свое воплощение в Концепции по модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства [36], законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на исключение возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования» [3]. А самое главное был принят целый ряд законодательных актов, в которых была в своей концептуальной основе реализована новая уголовная политика: речь идет о ФЗ-383 [80], ФЗ-60 [81], ФЗ-420 [83], ФЗ-407 [82], ФЗ-207 [84] и других.

Со всей определенностью можно констатировать не просто смягчение позиции государства в отношении предпринимателей, совершающих общественно-опасные деяния, запрещенные законом, в сфере экономической деятельности, но формирование новой конфигурации отношений государства и бизнес сообщества; последнее оказалось наиболее организованной, влиятельной и активной частью нашего общества, а потому и государство оказалось по отношению к нему наиболее договороспособным. Вполне разделяем вывод о том, что сложилась *новая уголовная экономическая политика* [10, С. 9] по противодействию налоговым и экономическим преступлениям. И можно говорить, как о свершившемся факте, о смене идеологии неотвратимости уголовной ответственности на идеологию экономии уголовной репрессии, избирательности в ведении уголовного преследования и наказания (по крайней мере, в отношении «предпринимателей»). Новая уголовно-правовая идеология, прежде всего, проявляется в сфере противодействия экономической преступности, но уместно ставить вопрос о глобальном характере изменений в стратегии противодействия преступности.

Мы исходим из того, что поскольку уголовная политика представляет (должна представлять) некую общую стратегию воздействия правовыми средствами на

антисоциальные явления, постольку надо говорить об общей концепции новой уголовной политики противодействия преступности в целом, нельзя ограничиваться только коррекцией в области противодействия экономическим, налоговым преступлениям. На наш взгляд, изменения в отношениях между государством и преступностью носят принципиальный характер, а формы проявления новой уголовной политики, на которые указывают вышеуказанные авторы, могут быть самыми многообразными; обобщенным названием некоторых из них может быть «согласительные процедуры», но этим, по видимому, компромиссность (соглашательство) в отношении некоторых преступных проявлений не исчерпывается. Главный сдвиг в правосознании, в правовой политике противодействия преступности состоит в том, что с преступниками допустимо *договариваться*²¹. Так что согласительность, договорность не является исключением в современном уголовно-процессуальном праве – эта некая общая тенденция, понижающая многие институты: институт мер процессуального принуждения, прекращения уголовного дела, сокращенного дознания, особого порядка судебного разбирательства и, разумеется – института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Кроме, концептов «компромисс» и «альтернатива» концептуальной составляющей новой уголовной политики является *теория конвергенции частного и публичного начал*. Если для советского законодателя не было ничего «частного», то для современного российского законодателя характерно, наоборот, стремление к наибольшей защите частного начала, даже в тех случаях, когда идет речь о публичной уголовной/уголовно-процессуальной сфере. Данную тенденцию в правовом развитии можно считать типичной, что подчеркивает Г.В. Абшилава. Он отмечает, что изменения уголовно-процессуального права тесно связаны с *глобализацией и конвергенцией* [2, С. 44,45; 28, С. 23; 38, С. 5, 11-19; 87, С. 33, 121-123]. Происходит взаимопроникновение, смешение частного и публично-правового элементов. Суть объективного процесса конвергенции частного и публичного права состоит во взаимопроникновении частноправового и публично-правового методов правового регулирования, что с неизбежностью порождает согласительные процедуры в уголовно-процессуальном праве. Наиболее типичными проявлениями конвергенции частного и публичного права являются «согласительные уголовно-процессуальные процедуры». В них устанавливается новое соотношение элементов частно- и публично-правового регулирования, степень и характер их сочетания. Конвергенция частного и публичного права носит закономерный цивилизационный характер: на определенном этапе общественно-правового развития возникает потребность в качественно новом механизме разрешения уголовно-правового спора, становится более востребованным диспозитивный метод правового регулирования отношений между личностью и государством, правовой статус личности в этих отношениях все более выравнивается по отношению к правовому статусу чиновника обвинительной власти. В условиях глобализации, по мнению Г.В. Абшилавы, конвергенция приобрела силу объективной закономерности и обеспечивается благодаря выработке общемировых стандартов и требований в области прав человека. Это, в свою очередь, ведет к расширению возможностей по рецепции институтов или их элементов из других правовых систем, процессов сближения правовых систем, частного и публичного права [2, С. 14, 15]. В виду объективного характера конвергенции попытки воспрепятствовать развитию договорных форм в уголовном судопроизводстве (скажем,

---

²¹ Это делалось полицией, спецслужбами всегда, во времена самых тоталитарных правовых режимов, но в виде исключений или вне правового формата. Современное отличие состоит в том, что подобная практика узаконена.

под предлогом существования якобы непреодолимых «типологических» различий между нашей и западной правовой системами²²) лишены всякой перспективы [2, С. 5, 11].

Отсюда вытекает прямой вывод о договорной природе института досудебного соглашения о сотрудничестве, как наиболее ярком воплощении результатов описываемой конвергенции. Таким образом, некоторые исследователи выявили экономический, прагматический аспект конвергенции частного и публичного элементов (наверное, правильнее было бы даже говорить об *экспансии* частного начало в публично-правовой сфере), ведущих к ослаблению императивно-правового, одностороннего метода и подключению диспозитивных, договорных элементов в уголовно-процессуальное регулирование.

Несколько в другом духе рассуждает об этой теме другой исследователь – В.В. Рудич [61]. Он подчеркивает в ней такой аспект, как *справедливость*. По его мнению, меры по усилению эффективности уголовно-процессуального правового механизма только тогда достигают цели, когда обеспечивают справедливость. Соображения целесообразности, пользы, экономии, быстроты, как и вообще допускаемая законом свобода распоряжения органом обвинительной власти уголовным иском должны отвечать общей справедливости и гуманности [61, С. 68]. Прокуратура проводит в жизнь уголовную политику государства, руководствуясь принципами справедливости и целесообразности. Идя на компромисс в форме «досудебного соглашения» с обвиняемым, прокурор должен иметь в виду не только и не столько цель упрощения расследования, но цели истины и справедливости. Издержки и уступки, которые неизбежно сопровождают любой компромисс по уголовному делу, будут оправданы, если перекрываются позитивными подвижками в укреплении законности и правопорядка [61, С. 69, 70]. Как правильно указывает этот автор, для «карательного» подхода к пониманию своего рода *системного кластера* уголовного права и процесса характерно то, что справедливость связывают с характеристикой центрального отношения между государством и обвиняемым; причем в наказании воплощается проблематика уголовно-правового - центрального отношения [61, С. 69, 70].

Мы поддерживаем подходы, которые по-разному, но объясняют и оправдывают допущение использование частно-правовых методов в урегулировании уголовно-процессуальных вопросов. В конечном итоге не так уже и важно конвергенция, глобализация или идея справедливости приводят законодателя и правоприменителя к отходу от прежних позиций и принятию на вооружение договорной правовой модели. Можно только приветствовать унификацию правовой доктрины, сочетание частно-правового и публично-правового методов регулирования, использование новых приемов законодательной техники при конструировании уголовно-процессуальных институтов. Так что правы те авторы, которые еще в связи с появлением института, регламентированного главой 40 УПК РФ, настаивали на его договорной природе, при этом указывая как на прагматическую, так и на нравственную составляющую: достижение цели изобличения преступника и разрешения уголовно-правового спора оправдывает моральные, имущественные и пр. издержки, которые несут общество и потерпевший [12, С. 22-33; 69, С. 13-18, 29-30]. Договорной, компромиссный способ разрешения уголовно-правовых споров должен стать основным способом разрешения уголовных дел, при котором должно быть гарантированно защищены как частный, так и публичный интересы [30, С. 11-14; 68,

---

²² О таком доводе противников договорной теории досудебного соглашения мы писали в первом параграфе.

С. 15-16, 22]. При этом ими утверждалось, что развитие института, предусмотренного главой 40 УПК РФ, в комплексе с другими родственными ему процессуальными феноменами такими, как упрощение и дифференциация форм досудебного производства по уголовному делу, применение альтернативы уголовному преследованию в виде медиационных форм – все это качественно обновляет стратегию уголовной политики, способствует приведению отечественного уголовно-процессуального и уголовного законодательства в соответствие с мировыми стандартами справедливого уголовного судопроизводства, повышает эффективность деятельности правоохранительных органов [68, С. 11].

На наш взгляд, методологические предпосылки для пересмотра уголовно-правовой и уголовно-процессуальной стратегии в отношении преступности были подготовлены общим ходом развития нашей науки. На определенном этапе ее развития (в конце 1950-х начале 1960-х годов) пришло признание того, что обвиняемый является *субъектом права*, уголовный процесс стал трактоваться как система уголовно-процессуальных отношений, в которых контрагентом государства выступал обвиняемый [40, С. 88-92; 73, С. 63, 65]. Нашла признание точка зрения о необходимости сочетания в уголовном процессе государственно-властного начала с системой прав личности [88, С. 48, 69-79], о допустимости проявления частного интереса, не всегда соответствующего интересам борьбы с преступностью [88, С. 11-12]. И хотя по-прежнему доминировало представление об императивно-правовом характере этих отношений, где обвиняемый (любой частное лицо) выступало подвластным субъектом, не способным повлиять на развитие отношений с представителями государства, а значит и с самим государством, тем не менее конструктивная предпосылка для следующего шага в развитии представлений о правовом статусе обвиняемого как равноправного субъекта правовых отношений уже была создана. И при наступлении благоприятных условий этот шаг некоторыми теоретиками был сделан.

В современной науке твердо установился взгляд на то, что уголовный процесс представляет собой систему отношений между обвиняемым, его защитником, с одной стороны, и государственными органами (обвинительной, судебной властей) – с другой. В основе системы правоотношений лежит право человека на невиновность [48, С. 19; 49, С. 27-62; 53, С. 221]. Все это составляющие состязательной, либерально-демократической идеологии уголовного судопроизводства. Как отмечает И.Б. Михайловская, назначение уголовного судопроизводства состоит в разрешении конфликтов между личностью и государственной властью [62] с наименьшими для общества последствиями. Исходя из подобных воззрений, В.В. Рудич [61, С. 38] заключает, что справедливое судопроизводство, это состязательное судопроизводство, в котором спор разрешается или в результате выигрыша одной из сторон или в результате заключения между ними соглашения, взаимовыгодного и порождающего правовые последствия в силу самого факта его заключения [4, С. 106]. Справедливое уголовное судопроизводство – это когда через конкуренцию и посредничество суда достигается снятие основного противоречия уголовного процесса, происходит гармонизация частного и публичного начал. Справедливо проведенный процесс (судебный) порождает ощущение восстановленной справедливости. Соглашение сторон, которое кладет конец спору, достигнутое в рамках справедливой процедуры принимается обществом как правомерное, оправданное [61, С. 44].

Справедливость восстанавливается через снятие несправедливости (каковой, естественно, является преступление) и способ снятия не один. Наряду с

ответственностью (ретроспективной или даже проспективной), способом снятия несправедливости может быть «договор». Договор как продукт посткриминальной, процессуальной деятельности сторон, на наш взгляд, может быть эффективным заменителем схемы: преступление-приговор-наказание.

Акцент на карательный аспект уголовного правосудия, который есть даже в наиболее вегетарианских разновидностях учения о цели уголовного процесса и наказания, по нашему мнению, неразрывно связан с представлением о том, что *уголовный процесс является формой применения уголовного права и способом реализации уголовной ответственности*. При этом, как замечает В.В. Рудич, уголовно-процессуальная форма находится как бы в тени материального элемента и тем самым лишается правообразовательного потенциала [61, С. 45, 46]. Подобное принижение репродуктивной способности у уголовно-процессуальной формы долгое время не позволяло и не позволяет многим до сих пор увидеть возможность происхождения основания уголовной ответственности внутри процесса. Для договорной теории *такое допущение совершенно необходимо*. Поэтому надо со всей определенностью подчеркнуть необходимость изменения взгляда на эту принципиальную проблему.

Если советские ученые, связывали цель уголовного процесса с удовлетворением социальной потребности в реализации уголовной ответственности [44, С. 26], то современные исследователи все чаще назначение УСП в видят в адаптации общества к условиям внешней среды, снятии социального напряжения, разрешения социального конфликта, умиротворения; причем отнюдь не всегда через применение наказания к виновному. Произошел важный сдвиг с карательной установки на понимание целей уголовного процесса, т.е. его способность обеспечить «меткость уголовной репрессии», «парализовать» правовыми средствами преступника, «нейтрализовать» преступность [23; 24; 25; 67, С. 31-34; 86, С. 7, 12, 42; 70; 74, С. 21; 77], на восстановительную, реабилитационную [55; 66, С. 11; 78; 79, С. 141; 76]. Как пишет С.А. Пашин, уголовное судопроизводство не инструмент борьбы с преступностью и подавления преступников, а прежде всего правовая рамка, в которой выясняется фактическая и правовая стороны дела, позволяющая его разрешить [54, С. 2].

Подобная тенденция (к выявлению самостоятельной ценности уголовного судопроизводства, его формы, а соответственно и применение к ней критерия справедливости) проявила себя и на определенном этапе развития советского государства [34, С. 5-7; 52, С. 97]. Мнение о том, что уголовно-процессуальное право выполняет самостоятельную правоохранительную функцию и имеет самостоятельную, независимую от уголовного права сущность и содержание, получило определенное распространение в отечественной правовой науке [13, С. 22, 25; 43, С. 19, 111-112]. На наш взгляд, это очень важное условие для выстраивания дальнейших рассуждений о процессуальной природе досудебного соглашения: процессуальное в нем доминирует над материальным, преступление не определяет предмет соглашения и тем более основание уголовной ответственности, основания и предмет соглашения формируются сторонами в ходе переговоров, а также процессуальных действий и пр.

Фундаментальное значение для формирования нового подхода к пониманию сущности досудебного соглашения о сотрудничестве имели выводы некоторых процессуалистов о том, что правовое основание для судебного решения формируется в

ходе судопроизводства²³ [42, С. 13-14], а не образуется самим событием преступления. Хотя многие юристы, прежде всего специалисты по уголовному праву [41, С. 41; 63, С. 17], по-прежнему остаются на позиции материального детерминизма. Но надо совершенно отчетливо понимать, что если стоять на той точке зрения, что основание уголовной ответственности образует факт преступления, соответственно основание уголовной ответственности также существует объективно (внепроцессуально), а уголовный процесс только лишь обслуживает реализацию уголовной ответственности, то разумеется ни о какой договорной практике не может быть и речи. Поэтому не случайно сторонники традиционных взглядов на цель доказывания как объективную истину, на вторичность уголовного процесса по отношению к уголовному праву, на внеположенность по отношению к суду доказываемых и доказательственных фактов категорически отвергали институт досудебного соглашения, а потом отрицали его договорную природу [18]. Чтобы настаивать на договорной трактовке досудебного соглашения о сотрудничестве надо согласиться с тем, что факты есть продукт формирования внутреннего убеждения судьи [35, С. 7], или еще «факты, они в голове у судьи».

Правильное понимание сущности досудебного соглашения о сотрудничестве вообще не возможно, пока не получит признания самостоятельная ценность уголовно-процессуальной формы. Без этого пропадает объемный, полный взгляд на природу уголовного процесса и его назначение, а вместе с тем остается непроявленным то обстоятельство, что стороны могут сами сформировать основание для разрешения уголовно-правового спора между ними. И потому институт досудебного соглашения о сотрудничестве - это своего рода вызов традиционной правовой доктрине и уголовной политике. Это событие, которое ознаменовало важный этап в развитии нашего уголовно-процессуального права, начало расставания с мифами и иллюзиями, конец советской эпохой в нашем уголовно-процессуальном праве.

Далее надо сказать, что об одном принципиальном моменте в учении о договорной природе досудебного соглашения о сотрудничестве, который уже стал предметом глубокого анализа со стороны А.Г. Смолина, В.Г. Абшилавы и ряда других исследователей: они подчеркивают неразрывную связь своей трактовки данного института с *состязательностью и исковым пониманием обвинения* [33]. По их мнению, для объяснения природы досудебного соглашения можно использовать ряд гражданско-правовых категорий и прежде всего категорию иска. Они пришли к выводам, что что уголовно-правовое отношение может возникать, изменяться и прекращаться в результате договора сторон в уголовном деле; что обвинение – это уголовный иск; что прокурор является субъектом диспозитивности, который обладает возможностью распоряжаться публичным правомочием на предъявление, изменение и отказ от уголовного иска; что «особый порядок принятия судом решения» есть сделка сторон о признании обвиняемым уголовного иска и условия этой сделки могут быть предметом соглашения сторон [12, С. 3]. Позднее Г.В. Абшилава развил вывод о том, что концепция «уголовного иска» вполне

---

²³ В данной связи А.А. Кухта пишет: «Существование факта для суда есть состояние его внутреннего убеждения. Доказательство не возможно без наличия субъекта, которому оно адресовано и который уполномочен принимать решение на его основе. Фактор судебной аудитории имеет определяющее значение для удостоверения факта. Исключения из этой общей закономерности составляют случаи договорного удостоверения факта сторонами (1) при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или (2) при заключении «соглашение о сотрудничестве» в рамках главы 40¹ УПК РФ».

подходит для объяснения сущности процедуры, урегулированной нормами глав 40 и 40¹ УПК РФ [2, С. 188].

Мы в целом признаем правоту того, что досудебное соглашение есть по сути расширенная форма соглашения о признании обвиняемым уголовного иска (обвинения). Расширенным оно является потому, что сопровождается взятием на себя обвиняемым обязательств по оказанию содействия стороне обвинения в выявлении новых фактов преступной деятельности его самих, а также иных лиц, изобличения их и привлечения к уголовной ответственности. Мы разделяем точку зрения, согласно которой досудебное соглашение о сотрудничестве - это уголовно-процессуальная сделка, взаимное волеизъявление сторон в деле, направленное на установление взаимных обязательств, в том числе материально-правового характера, между государством (в лице стороны обвинения) и обвиняемым.

Как пишет Г.В. Абшилава, свойства материальных прав и характер их субъектов оказывают существеннейшее влияние на степень свободы распоряжения в процессе как этими правами, так и исками, которыми они защищаются, но этими материально-правовыми моментами не определяется всецело ни конструкция всего процесса как состязательного или следственного, ни отдельные институты, вроде согласительных процедур, центральными из которых являются сделки о признании обвиняемым обвинения: 1) простая сделка (гл. 40 УПК), 2) сделка, включающая досудебное сотрудничество (гл. 40¹ УПК). Правовая природа этих уголовно-процессуальных сделок диспозитивна; она может быть объяснена через схему признания уголовного иска стороной защиты и выработку на этой основе договорных условий поведения сторон (в виде взаимных прав и обязательств) с целью достижения предусмотренных в законе правовых последствий [1, С. 14].

Надо присовокупить, что Г.В. Абшилава подверг разгромной критике позицию, при которой институты, предусмотренные главами 40, 40¹ УПК РФ, выглядят как очередные «упрощенные» уголовно-процессуальные формы, а их договорная суть просто не улавливается. По его словам, представители «партии» традиционалистов часто прибегают к использованию для анализа чуждых нововведений (вроде досудебного соглашения о сотрудничестве или особого порядка судебного разбирательства) учения о так называемой «дифференциации форм уголовного судопроизводства» [2, С. 45]. Использование в качестве приема советской теоретической (объяснительной) конструкции для анализа принципиально новых явлений, в результате такого «объяснения» и институты, предусмотренные главами 40, 40¹ УПК РФ, заставляет аналитика оставаться на прежних (публично-правовых) позициях, видеть в них только очередные «упрощенные» уголовно-процессуальные формы, а их договорная сущность просто не улавливается [2, С. 48].

Таковы методологические предпосылки для возникновения и развития договорного подхода к пониманию сущности институт досудебного соглашения. Из них вытекает, что *досудебное соглашение с обвиняемым является договором, сделкой о признании уголовного иска, если угодно – «сделкой с правосудием»*. Разумеется, при этом остаются в силе обычные – прагматические соображения в пользу данного института, с которыми бывают вынуждены согласиться даже принципиальные противники данного института. Как пишет В.А. Ефанова, институт досудебного соглашения введен в российское уголовно-процессуальное законодательство не от хорошей жизни: преступность с каждым годом растет, раскрываемость преступлений снижается. Гарантируя смягчение наказания для

состоящих в преступных сообществах лиц, которые дали согласие сотрудничать с правоохранительными органами, государство тем самым пытается усилить борьбу с организованными формами преступности [31]. Сходным образом рассуждают и многие другие комментаторы – это весьма эффективный инструмент в арсенале, которым могут воспользоваться правоохранительные органы для защиты общества от наиболее опасных видов преступности. Так, Г.В. Абшилава пишет: «Общество защищено в полной мере тогда, когда правоохранительные органы пользуются наиболее результативным правовым инструментом для нейтрализации самых опасных антисоциальных элементов, не позволяя им совершать преступления, ставящих под угрозу существование социальной структуры. Правовой инструментарий должен быть заточен прежде всего на борьбу с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, для подавления организованной профессиональной преступности, коррупции, терроризма. Но эти виды преступности представляют и наибольшую сложность в плане выявления, раскрытия, пресечения. Все это приводит к необходимости применения особенных, чрезвычайных мер. Одной из них является механизм компромисса, соглашения, сотрудничества с некоторыми преступными элементами для привлечения к уголовной ответственности лидеров преступных сообществ и организаций. Поэтому механизм компромисса, юридической формой которого и является институт, предусмотренный главой 40¹ УПК, должен занять свое место в уголовной политике государства [2, С. 97; 33, С. 39].

Кстати, такой же логики придерживался и законодатель [71, 72].

Таким образом, нельзя ограничиваться простой констатацией того, что институт досудебного соглашения с обвиняемым это очередная упрощенная (ускоренная) форма судопроизводства. Главное не в этом. Надо признать институт досудебного соглашения деталью механизма правового регулирования, благодаря которой этот механизм может переходить в форсированный режим работы. Издержки этого очевидны, но очевиден и результат: государство оказывает более эффективное противодействие преступности: к уголовной ответственности привлекается возможно больший круг преступных элементов, обеспечивается розыск и изъятие имущества, полученного преступным путем при том, что экономятся силы органов уголовной юстиции.

Проводя сравнение с зарубежными аналогами можно заключить, что досудебное соглашение о сотрудничестве, предусмотренное главой 40¹ УПК, и особый порядок судебного разбирательства, предусмотренным главой 40 УПК – это две разновидности сделки с правосудием («Plea Bargaining»). В их основе лежит сделка между обвиняемым и обвинительной властью государства. Процедура, предусмотренная главой 40 УПК РФ, напоминает «straight plea», т.е. сокращенный порядок рассмотрения дела в связи с согласием обвиняемого с обвинением. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированное главой 40¹ УПК РФ, аналогично сделке с сотрудничеством, т.е. «cooperation agreement». Подобные правовые инструменты есть в большинстве стран мира. В Испании, Италии, Германии существуют примерно те же модели упрощенного производства по уголовным делам, в основе которых лежит признание обвиняемым своей вины по делу, его деятельное раскаяние.

Общее с зарубежными аналогами российского соглашения о сотрудничестве, регулируемого главой 40¹ УПК РФ:

1. Эта процедура может проводиться почти по всем категориям уголовных дел. Основанием для заключения досудебного соглашения может быть обвинение в любом

преступлении, независимо от степени тяжести: никаких ограничений в законодательстве или в позициях, сформулированных Верховным Судом РФ, по этому поводу нет. Хотя очевидно, что предметом соглашения должно быть содействие в раскрытии сложных, замаскированных особо тяжких и тяжких преступлений. Существует возможность заключения досудебного соглашения с обвиняемым независимо от формы, в которой ведется предварительное расследование (об этом будет подробнее сказано в последующем). Нормативный запрет на использование данного института существует для трех категорий уголовных дел: *по делам в отношении несовершеннолетних*, по делам частного обвинения и по делам о применении принудительных мер медицинского характера.

2. Обвиняемый должен оказать содействие органам правопорядка в раскрытии и расследовании преступлений, совершенных им самим и другими лицами. В содержание досудебного соглашения (ч. 2 ст. 317.1 УПК) обязательно входит содействие обвиняемого обвинению в (1) раскрытии (а) преступлений (преступления), совершенных иными обвиняемыми, проходящими по данному делу, (б) преступлений (преступления), совершенных иными лицами (в отношении которых уголовное преследование не ведется и о преступлениях которых правоохранительным органом не известно), (2) изобличении других обвиняемых и(или) иных лиц в совершении преступлений (любой тяжести), (3) розыске, аресте имущества, полученного в результате преступной деятельности как самого обвиняемого, с которым заключено соглашение, так и других обвиняемых, иных лиц.

3. Уголовное дело не рассматривается по существу в суде, если результаты сотрудничества признаны прокурором и судом. В таком случае судья вправе не проводить судебное следствие, выяснив позиции стороны в деле, он выносит обвинительный приговор в отношении подсудимого. Этот приговор в соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ не может быть пересмотрен вышестоящим судом из-за несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

4. Обвиняемый должен согласиться с предъявленным ему обвинением, что является обязательным условием для заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Если полного согласия обвиняемого с обвинением, выдвинутым против него нет, то соглашение не может быть заключено.

5. Согласия потерпевшего на заключение досудебного соглашения не требуется. Вместе с тем потерпевший вправе участвовать в судебном разбирательстве, где может предъявить самостоятельные требования к подсудимому и возражать против сделки между прокурором и стороной защиты.

6. Уголовный закон предусматривает досудебное сотрудничество обвиняемого со следствием в качестве смягчающего ответственность обстоятельства.

7. Предметом соглашения может быть обязательство государства принять меры по обеспечению безопасности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве: органы предварительного расследования или прокурор вправе применить к ним любые меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

8. Исключительная роль прокурора в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым подтверждает верховенство власти прокуратуры на предварительном расследовании. Для России этот момент имеет принципиальное

значение, потому что последнее время имела место политика по ограничению полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием (особой формой досудебного производства по уголовному делу). В анализируемой процедуре следователь и руководитель следственного органа процессуально зависимы от прокурора, они могут только ходатайствовать перед прокурором о заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым. Не может быть речи о том, чтобы следователь или обвиняемый могли обжаловать отказ прокурора заключить соглашение о сотрудничестве (в порядке, предусмотренном статьями 123, 125 УПК РФ).

Отличие от зарубежных аналогов российской сделки о признании состоит в следующем:

1. Закон предполагает возможность согласования условий ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

2. Прокурор не вправе изменять обвинение в качестве одного из условий соглашения. Следователь, прокурор не могут официально взять на себя обязательств не выдвигать новых обвинений или смягчить обвинение или полностью прекратить уголовное преследование обвиняемого, если обвиняемый будет добросовестно сотрудничать с органами следствия.

3. Суд играет активную роль в процедуре и может не признать результаты досудебного сотрудничества неправомерными и отказаться применить к обвиняемому меры по смягчению ответственности. Суд может признать результаты досудебного сотрудничества неправомерными и отказаться смягчить ответственность подсудимому.

5. Прокурор может в одностороннем порядке отказаться от выполнения условий соглашения

6. Потерпевший участвует в судебном разбирательстве, где может предъявить самостоятельные требования к подсудимому и возражать против сделки.

Говоря о правовой природе нового уголовно-процессуального института, мы, прежде всего, должны признать, что в отличие от зарубежных аналогов он имеет в качестве своего основания и содержания не определение основания ответственности, но согласование условий реализации ответственности в сторону ее смягчения или полного освобождения от таковой. При этом суд не связан позиций сторон, заключивших соглашение, а может по своему усмотрению трактовать выполнение условий соглашения, достижение целей, ради которых оно было заключено.

Назначение соглашения о сотрудничестве – состоит в достижение тех целей, которые законодатель ставил перед ним. В части 2 статьи 317¹ УПК РФ говорится, что сотрудничества состоит в «содействии следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления». По словам А.С. Александрова, назначение института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, вытекает из общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ); оно состоит в защите прав и свобод – через привлечение к уголовному преследованию всех, кто действительно совершил тяжкие и особо тяжкие преступления, т.е. восстановление нарушенного права общества на правопорядок, восстановление правоотношений, подавления организованной преступности [7].

Как известно, целью любого процессуального института является то, чтобы в строгом соответствии с законом и фактическими обстоятельствами дела разрешить вопрос о защите того или иного права (интереса), т.е. дать обоснованный ответ по существу заявленного требования о защите нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса. В данном случае, одной из целей процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве является борьба с организованной преступностью.

Задачи, которые пытается достичь обвинитель посредством заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, обусловлены, с одной стороны, публично-правовыми интересами борьбы с преступностью, а, с другой – защиты прав и свобод человека и гражданина. Для стороны обвинения заключение соглашения отнюдь не служит способом раскрытия преступления, совершенного обвиняемым, не направлено прямо против обвиняемого, но против других лиц, совершивших нераскрытые преступления, чье изобличение невозможно без активного содействия со стороны данного обвиняемого. *Выгода* для прокурора от заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым состоит в экономии сил и времени в изобличении лиц, совершивших преступления. Побудительным *мотивом* обвиняемого к сотрудничеству с правосудием служит желание смягчить ответственность за совершенное преступление, что гарантировано законом.

Через решение сторонами своих задач, посредством выполнения ими обязательств друг перед другом, определенных в соглашении, достигается цель института. В общем-то этот вывод вытекает из пункта 61 статьи 5 УПК РФ, где досудебное соглашение о сотрудничестве определяется как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Это очевидно – средство. А в части 2 статьи 317¹ УПК РФ говорится, что сотрудничества состоит в «содействии следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления». Очевидно, это можно трактовать как задачи, достигаемые посредством соглашения. Цель соглашения о досудебном сотрудничестве вытекает из общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК), она заключается в защите прав и свобод людей через привлечение к уголовному преследованию всех, кто действительно совершил тяжкие преступления, т.е. восстановление нарушенного права общества на правопорядок, восстановление правоотношений, подавления организованной преступности.

В заключение рассмотрим последствия, которые вытекают из признания того, что институт досудебного соглашения имеет договорную природу; они двоякого рода: первые касаются совершенствования самого этого института, вторые распространяются на все российское уголовно-процессуальное право.

Что касается непосредственно уголовно-процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве, то договорная трактовка его природы позволяет сделать предложения в направлении усиления диспозитивных, договорных начал во всех его процедурных элементах, составляющих. Прежде всего, со всей определенностью вырисовывается свобода заключения досудебного соглашения и недопустимость принуждения к нему с чьей-либо стороны, в том числе суда. Свобода заключения соглашения не может быть обусловлена обязательным признанием вины по

предъявленному обвинению, должна быть допущена сделка о сотрудничестве при частичном признании своей вины обвиняемым или полном отрицании своей вины по предъявленному обвинению.

Далее, в предмет соглашения должна быть включена квалификация преступления, решение вопроса о замораживании обвинения, прекращении уголовного преследования по достижении результатов соглашения, запрет на поворот к худшему; предоставление иммунитета от уголовного преследования.

Пересоставление предмета соглашения возможно только с обоюдного согласия сторон при ненарушении условий первоначального соглашения. Односторонний выход из соглашения допустим только по причине невыполнения своих обязательств контрагентом. В условия соглашения могут быть включены и обязательства со стороны обвинения, то насколько далеко они могут заходить – зависит только от прокурора. Логичным была бы и обоюдная ответственность сторон за выход из соглашения, включая возможность предъявления гражданского иска к государству за ущерб причиненный действиями органа следствия, прокурора.

Договорная концепция предполагает обязательность условий соглашения для суда, связанность суда позицией сторон и их соглашением и соответственно недопустимость игнорирования судом соглашения по соображениям публично-правового характера (установления истины по делу, справедливости, баланса частного и публичного начал и т.д. и т.п.)

Для уголовного процесса в целом последствия от признания договорной природы досудебного соглашения о сотрудничестве состояли бы главным образом в усилении состязательности. Главным образом, на наш взгляд, следовало бы в свете обесформливания досудебного производства по уголовному делу, т.е. выведения его из структуры «судопроизводства», освободить стороны от всех следственных формальностей по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве: всех этих процессуальных решений, согласований, обжалований и пр., которые не имеют никакой пользы, а только захламляют материалы уголовного дела. Сделка о сотрудничестве сторон должна заключаться в произвольной форме, но ее условия будучи скреплены судебной властью (судебным следователем) должны быть обязательными. Как известно, подобное возможно только в случае коренной реформы досудебного производства по украинскому или казахстанскому вариантам, т.е. по сути германскому. В области теории, разумеется, необходим переход на исковую концепцию обвинения – как уголовного иска; судебный порядок предъявления обвинения снимает все проблемы с оформлением досудебных отношений сторон по поводу формулирования позиции обвинения и ее последующих, вероятных метаморфоз.

Литература

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2012.
2. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
3. Александров А.С. Анализ сентябрьских предложений Минэкономразвития по изменению уголовно-процессуального права // Современное состояние и проблемы

уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Волгоград, 13-14 декабря 2012 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 6-18.

4. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания: Монография. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2006. 111 с.

5. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 5-20.

6. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской деятельности: куда движемся? // Теория доказательств и практика расследования экономических и иных преступлений: Материалы научно-практической интернет-конференции (Н. Новгород, 22 мая 2012 г.) / Под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 27-35.

7. Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54-57.

8. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2003.

9. Александров А.С., Мусаитов Т.А. Уголовно-процессуальная политика в сфере противодействия налоговой и экономической преступности требует коррекции // Вестник Коми-республиканской академии государственной службы и управления. Серии «Государство и право». № 15 (2012). С. 11-15.

10. Александрова И.А. Договорной способ разрешения уголовно-правовых споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 10-17.

11. Александрова И.А., Мусаитов Т.А. Полиция как субъект уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности и коррупции // Полиция России: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: в 2 томах / Под общ.ред. А.Н. Конева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2012. Т.1. С. 157-164.

12. Александрова И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска: Монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007.

13. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980.

14. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992.

15. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2011.

16. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: Монография. М.: Норма, 2013.

17. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система законодательства и

правовая система. Н. Новгород, 2000.

18. Белкин А.Р. Особый порядок как профанация судебного разбирательства // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2006. Вып. 7. С. 45-52.

19. Белов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 2. С. 66-69.

20. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: «Юридическая литература», 1990.

21. Босхолов С.С. Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1. С. 6-12.

22. Босхолов С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

23. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М.: «Юрид. лит-ра», 1963.

24. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: «Юрид. лит-ра», 1976.

25. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927.

26. Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальная политика: Курс лекций. М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2010.

27. Гармаев Ю.П. Компромисс как общая задача сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве. Подготовлен для системы «Консультант Плюс», 2003.

28. Головинская И.В., Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: Монография. Владимир, 2011.

29. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

30. Джинджолия Р.С. Сделки о признании вины и о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Вестник Российского нового университета. 2012. № 3. С. 11-14.

31. Ефанова В.А. Прокурор и досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 168-169.

32. Зинченко И.А., Трапицын А.Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 86-92.

33. Каретников А.С. Сделки в российском уголовном процессе // Законность. 2013. № 3. С. 36-41.

34. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 271 с.

35. Конева, С.И. Судебные допросы в уголовном процессе: доказательственное значение и порядок проведения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2013.

36. Концепция «Модернизации уголовного законодательства в сфере экономики». URL: <http://www.kapitalisty.ru/action>

37. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и декриминализации в новейшем уголовном законодательстве России // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 110-113.

38. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и

практики: Монография. М., 2011.

39. Костюк М.Ф. Назначение за совершенное преступление более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: учебное пособие. Уфа: Изд-во УЮИ МВД России, 2009.

40. Курс советского уголовного процесса / Под ред. А. Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. 1989.

41. Курс уголовного права. Общая часть. Том. 2: Учение о наказании. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ИКД Зерцало-М, 2002. Т.1.

42. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

43. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М.: «Юрид. лит-ра», 1973.

44. Левинова Т.А. Прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям в механизме достижения цели уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

45. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 286 с.

46. Малько А.В. Правоохранительная политика в современной России: пути формирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 167-169.

47. Малько А.В. Теория правовой политики: Монография. М., 2012.

48. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

49. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.

50. Мусаитов Т.А. Современная уголовно-процессуальная политика в контексте демократических преобразований // Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов и соискателей: сборник научных трудов. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. С. 126-129.

51. Мусаитов Т.А. Современная уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 226-230.

52. Общественные и личные интересы / Под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж: ВГУ, 1984.

53. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития: Монография / под ред. В.М. Ведяхина. Самара, 2005.

54. Пашин С.А. Пояснительная записка к проекту УПК РФ (ГПУ). Москва, 1993.

55. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. М.: ТК Велби, 2004.

56. Поленина С.В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1. С. 94-95.

57. Послание президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // РГ. 2009. 13 ноября. С. 4.

58. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на исключение возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования». URL: http://www.economy.gov.ru/mines/about/structure/depgosregulirineconomy/doc20120926_01

59. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба

- «Валдай», 19 сентября 2013 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19243/print>
60. Путин В.В. О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 января.
  61. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: МАЭП, 2013.
  62. Самойлюк, Р.Н. методы осуществления государственной власти в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3. С. 310-314.
  63. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
  64. Сивин И.А., Удалова Н.П. К вопросу о концепции мирового соглашения потерпевшего и государства с обвиняемым // Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания по законодательству Республики Беларусь, России и Украины: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты: сб. ст. / под науч. ред. Л.В. Лобановой, И.С. Дикарева; редкол.: Л.В. Лобанова (отв. ред.) [и др.]; Волгогр. гос. ун-т, Луг. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 287-291.
  65. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5-14.
  66. Смирнов А.В. Уголовный процесс. 4-е изд., перераб. и доп. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: Кнорусс, 2008.
  67. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965.
  68. Смолин А.Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 237 с.
  69. Смолин А.Г. Сделка о признании уголовного иска: Монография: Изд-во Мордов. ун-та, 2005.
  70. Советский уголовный процесс / Под редакцией Д.С. Карева. М., 1953.
  71. Стенограмма 246-го заседания Совета Федерации РФ. Федеральное собрание РФ. Исх. Ст-246 от 26 апреля 2009 г.
  72. Стенограмма 249-го заседания Совета Федерации РФ. Федеральное Собрание РФ. Исх. Ст-249 от 17 июня 2009 г.
  73. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. «Юрид. лит-ра», 1968. Т. 1.
  74. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978. 287 с.
  75. Сырых, В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22-27.
  76. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002.
  77. Уголовный процесс / Под ред. проф. М.А. Чельцова. М.: «Юридическая литература», 1969.
  78. Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Научн. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003.
  79. Уголовный процесс РФ: Учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. М.: Проспект, 2009. С. 141; Володина, Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень: ТГУ, 1999.
  80. Федеральный закон от 29.12.2009 N 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении

изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 4.

81. Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1756.

82. Федеральный закон Российской Федерации от 6.12. 2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

83. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

84. Федеральный закон Российской Федерации от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ. 2012. 3 декабря.

85. Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

86. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973.

87. Шестакова С.Д. Метод российского уголовно-процессуального права: от инквизиционности к состязательности: Монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб: СПбУ МВД России, 2003.

88. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: ЛГУ, 1963.

89. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.

Kolesnik V.V. Priroda dosudebnogo soglashenija o sotrudnichestve s pozicii dogovornoj koncepcii «sdelka o priznanii obvinenija i sotrudnichestve» / V.V. Kolesnik //Nauka. Mysl'. - № 10. – 2015.

© В.В. Колесник, 2015.

© «Наука. Мысль», 2015.

— ● —

Abstract. Materials of this issue are the thesis research of pretrial agreement on cooperation of the parties in a criminal trial of the Russian Federation, its doctrine and legislative technique. This section is devoted to the nature of pre-trial agreement on the cooperation with the position of a contractual concept of "Transaction on recognition of charges and cooperation".

Keywords: law, pre-trial agreement, justice, cooperation with suspects.

— ● —

Сведения об авторе

Вероника Вячеславовна **Колесник** - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 12.12.2015.
© Наука. Мысль, 2015.